

Было? Реч. Москва-1998-5нояб. - с 4

Виноградная косточка в горле КГБ

Илья ОКУНЕВ,
член Союза литераторов России

Казалось бы, немало лет страна живет в отсутствие все сильного некогда КГБ, а призрак его нет-нет, да и напомнит о себе. Эта машина не только перемалывала судьбы, но и незримо подчиняла людей своим интересам. Многие из них даже не подозревали, как ловко и изощренно КГБ использует их авторитет, популярность, связи, товарищеские отношения. В таком положении невольно оказался и Булат Окуджава.

Кристалльно честный и скромный человек, он своим талантом, дружелюбием и открытостью привлек к себе внимание чекистов.

За тот год с небольшим, что Булата не стало, появилось множество исследований и высказываний не только о его творчестве, но и воспоминаний о нем как о человеке. Один из авторов подобного «эссе» приводит слова «старого друга» Окуджавы, известного диссидента-эмигранта Владимира Максимова: дескать, Булат — агент КГБ. К такому заключению Максимов пришел, когда Окуджаву вдруг начали выпускать за границу. Мол, отблагодарили за... определенные услуги.

Владимир Максимов, с которым я в свое время был хорошо знаком, вообще изволил говорить много чего, особенно будучи в подпитии. Но ту самую версию о «сотрудничестве» Булата мне он высказал совсем по-другому. Сказал, что КГБ использует его в нужных им целях, что своими песнями он помогает выявлять недовольных, настроенных против советской власти. «Они тянутся к нему, потому что в его песнях и стихах видят воплощение своих мыслей и настроений».

...Я узнал Булата много раньше тех, кто по мере роста его популярности принимал так или иначе приобщаться к нему. Мы познакомились, когда были еще детьми. Наши отцы работали в Тагилстрое. А мамы приезжали с нами из Москвы в Нижний Тагил на лето. Потом жизнь снова свела нас в стенах арбатской школы № 69. Сегодня ее нет. Ее «сжевал» Калининский проспект. Теперь номер той школы воскрешен по ходатайству ее выпускников и присвоен дру-

гой — в Строгино. Булат Окуджава тоже хлопотал об этом, а затем участвовал в установке на здании школы мемориальной доски с именами 50 ее питомцев и двух учителей, погибших в Великой Отечественной войне. Теперь эта школа носит имя Булата и на ней устанавливается «его» мемориальная доска.

Булат был на класс младше меня. Он писал заметки в нашу школьную стенгазету «Вперед и выше!». Они были необычны. Если в большинстве других критиковались отстающие в учебе, нарушители дисциплины, прогульщики, то Булат писал о тех, кто помогал отстающим, навещал заболевших, о доброте, милосердии. Помню, всех нас буквально потрясла его заметка об однокласснице, которая подобрала на улице щенка с перебитой лапой и выходила его.

А потом была война...

Встретились мы с Булатом снова много лет спустя в «Литературной газете». У него за плечами был Тбилисский университет, а на сердце — незаживающая рана от ареста и гибели отца в годы репрессий. В редакции Булат работал с поэзией. В кабинете отдела критики на пятом этаже устраивали своего рода посиделки за закрытой дверью, и Булат пел под гитару свои стихи, или, как он сам говорил, «стихи под аккомпанемент».

Из слов В. Максимова следовало, что эти концерты Б. Окуджавы, гостеприимно устраиваемые сотрудниками отдела критики, служили своего рода приманкой для определенного «элемента» и одновременно помогали выявлять «истинное лицо» этого самого «элемента». Подразумевалось, что такие творческие встречи были как бы общением тех, кто разделяет критическое отношение к окружающей действительности.

(Тогда я не был возле Булата, потому что чувствовал: наши личные встречи для него тягостны — они воскрешали в его памяти счастливое детство, которого его лишили...)

Вступать с В. Максимовым в полемику я не стал. Однако с явлением, которое он имел в виду, мне довелось столкнуться, еще учась на филфаке МГУ. Студенты тогда тоже устраивали домашние посиделки, читали на них свои стихи, нередко фрондерские, обсуждали разные литературные вопросы. Как потом выяснилось, на этих вечерах присутствовали стукачи. Для некоторых, особо «говорливых», участие в таких компаниях кончалось весьма печально. Их брали на заметку и — под дальнейшее наблюдение со всеми вытекающими последствиями.

Так что в гипотезе В. Максимова была доля истины. По нему выходило, что Булат с помощью, как сейчас говорят, «менеджеров», содействовал КГБ,

Архив «ВМ»

помогал выявлять сомнительные «элементы», внедрявшие в сознание молодежи цинизм и неверие в победу коммунизма.

В свете всего этого на версию Максимова работает и другое. Общеизвестно, что в то время многим пишущим талантливым людям чинились всевозможные препоны в творческом становлении. Их не печатали, не принимали в Союз писателей и даже на работу в редакции. Препятствовали всячески и Булату. Тем не менее в Союз писателей приняли. Получается — легализовали его творчество, и встречи с ним стали более многолюдными, что КГБ, собственно, и было нужно. Что касается разрешения выезжать за границу, оно, стало быть, тоже давалось с дальним прицелом: лубянские деятели понимали, что соприкосновение Булата с Западом может усилить в его творчестве мотивы неприятия советской действительности, а это еще больше привлечет к нему тех, кем интересуются органы... Только вот самому Булату, конечно же, и в голову не приходило, какая роль отводится ему — с его истерзанным сердцем — в том, что тогда цинично именовалось общественной жизнью.

...После смерти человека, который пользовался вниманием современников, его имя и жизнь обрывают легендами и вымыслами. Тем, что рассказано, я вовсе не хочу как-то бросить тень на светлый образ Булата, принизить его значение в нашей духовной жизни. Я хочу лишь внести ясность в некоторые нюансы той поры, чтобы сегодня они не представлялись слишком однозначными.